

Веч. Москва. — 2000. — 8 февр. — с. 5

Молодую вдову можно удивить искушенностью

В галерее «Манеж» — выставка «Интервалы опыта» Алексея Григорьева и Евгения Гороховского (соответственно — скульптура и живопись). Ходишь по залам и гадаешь: что, кроме давнего знакомства, могло соединить двух художников в одном выставочном пространстве?

Дарья АКИМОВА

Гороховский — склонный к нигилизму скептик. Григорьев — трагический пессимист. Если хотите — Прометей, прикованный к камню цепями из тяжелого металла. От его скульптур веет первобытной силой древних чудовищ, укрошенной гордостью Сизифа, бесконечностью Христа и неизбывной серьезностью русской авангардной скульптуры.

Гороховский вроде бы тоже

«художник всерьез». Изучает прерываемость времени в рамках одной отдельно взятой человеческой жизни. Вот вы, допустим, никогда не задумывались, почему по лондонскому времени кто-то еще жив, а по московскому — уже два часа как умер? Или почему за пять минут иногда происходит больше, чем за всю предыдущую жизнь? Или почему «Тринадцать часов двадцать одна минута» — это не точное время, а большая работа Гороховского (знойный деревенский

полдник и цветные часовые пояса поверх пейзажа), на создание которой явно понадобился не один час? Почему наконец «Профиль человека напоминает очертания его страны» (это название у картины такое)?

Условность времени и пространства — вот что не дает спокойно спать и Гороховскому, и Григорьеву. Григорьевский «Забытый корабль» — это трансформация рукотворной бригаантини в ископаемую окаменелость вроде раковины со дна морского. Причем, заметьте, трансформация ложная: ведь на самом деле не было ни окаменелостей, ни корабля, а были только каменная глыба и фантазия автора. А в итоге налицо срез культурного слоя. И что нам делать, если все вокруг — неправда?

Спокойней надо быть, молчливо советует Гороховский. Раз уж мы слабыми умами своими не в состоянии обзреть всю вселенную разом, то стоит воспринимать жизнь одномоментно. Потом как-нибудь поднатужиться и сделать небольшой интервал в лихорадочном обретении опыта. Сложить вместе отдельные кусочки жизни. Окинуть взглядом получившуюся бессмыслицу и утешиться сентенцией: все разумное рождено из хаоса.

Вот у Гороховского из хаоса треугольников с изображенными на них частями тела появляется «Молодая вдова», которая «удивлена вновь рождающейся любви» (это снова такое название). Сама вдова, может, только-только начала удивляться. Но нам-то уже все видно.

Так что, может быть, и наш хаос для Кого-то — вполне стройная картина вполне разумного бытия. Если вас это успокоит — продолжайте «опыты» дальше.

Евгений Гороховский. «Интервал откровения». 1998